

Старый Дед Скрипун

Свидание

Дед Старый Скрипун Свидание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69262246

SelfPub; 2023

Аннотация

Если кто-то скажет, что у него свидание прошло плохо, то дайте ему почитать этот рассказ. Молодой человек ждет девушку, что бы предложить ей руку и сердце. Тщательно готовится. Красавица приходит и... . А вот всю чертовщину, что дальше произошла, тебе придется прочитать, мой друг.

Дед Скрипун

Свидание

Данная история произошла в середине лета, в июле, в один из воскресных дней. Герой нашего рассказа: молодой мужчина тридцати семи или сорока лет от роду (по его постной физиономии с близорукими глазами и очками на носу было трудно разобрать возраст). Хронический неудачник, пытающийся безуспешно устроить семейную жизнь, он проживал в двухкомнатной квартире, доставшейся по наследству от отца с матерью. Делил ее с младшим братом Глебом, двадцативосьмилетним экстравагантным хроническим тунеядцем, проедающим скромную зарплату старшего брата и вечно валяющимся на диване у телевизора с сигаретой в руках, потому что курил этот великовозрастный детина до неприличия много, отчего квартира была наполнена ароматами «старой пепельницы»

Звали нашего героя, по странной прихоти родителей, Ефремом. Почему так? В свое время он спросить постеснялся, а на данный момент уже было не у кого узнать. Рыжий, с сутулой спиной, он не был красавцем и прекрасно это знал, но не потому, что был настолько умен, совсем нет, просто ему об этом сообщила коллега по лаборатории, в которой он трудился мойщиком пробирок. Вот так вот, прямо в лоб и сказала: «Урод. Кто в мыльной воде посуду споласкивает?»

Сегодня наступал самый волнительный момент в его жизни. Этим вечером он должен сделать предложение руки и сердца. Он наконец-то нашел ту единственную, которая, по его мнению, согласится стать верной его спутницей.

Поколесив по городу в поисках наиболее дешевых продуктов для романтического ужина, он, наконец, собрал все необходимое, и, сложив пакеты на заднем сиденье автомобиля – старых, зеленых, купленных еще его дедом «Жигулей», отправился домой.

Позвенеv ключами в замке, он открыл дверь, и тут же едва не заорал от испуга, выронив из рук поклажу с продуктами. По коридору, скользнув по ботинкам мохнатым боком, пробежал паук и скрылся в приоткрытой двери туалета. Но напугало его не столько то, что в квартире непонятным образом появилось насекомое, не огромный размер и мохнатое черное тело, нет. Глеб панически, до дрожи в коленках, до заикания, боялся пауков. Арахнофобия, так обозвал этот терзавший душу страх доктор, к которому мальчика водила мама еще в детстве.

Взяв себя в руки, мужчина приоткрыл дверь в туалет, нагнулся, заглянув в унитаз, потом за него, но ничего не обнаружил.

– Померещится же такое. – Пробубнил он себе под нос, вытирая ладонью вспотевший лоб и перекрестившись.

Сняв уличную обувь и надвинув тапочки на ноги, он прошел через проходную комнату-зал мимо храпящего на ди-

ване, отвернувшегося к стенке Глеба, в спальню, где, скинув рубашку с брюками, надел желтый домашний шерстяной халат с протертыми старостью дырками на рукавах. Выпустил из клетки сыплющего скрипучим голосом пенопласта по стеклу нецензурной бранью попугая – Свола, кличка которого являлась сокращенной версией слова «сволочь» из-за несносного характера.

Вредная птица мгновенно села на плечо к подошедшему к старенькому трюмо и посмотревшему в свое отражение в зеркале Ефрему и многословно-трехэтажно покрыла его нерасторопность бурным потоком слов.

Отражение нашего героя подмигнуло, показав язык, а также сообщило телевизионной глухонемой картинкой, что с кровати спрыгнул все тот же померещившийся паук и, показав мимоходом большой палец на лапе в знак одобрения, скрылся в проеме дверей зала.

Мужчина затряс головой, прогоняя наваждение и пытаюсь успокоить забежавшие по ставшей гусиной коже мурашки. Заглянул за трюмо, сам не понимая, что там должен был обнаружить.

– Переусердствовал с мытьем пробирок или надышался какой-то гадостью в лаборатории. – Констатировал он, когда дрожь в руках более-менее улеглась. – Надо, однако, Глебку будить и гнать вон из квартиры. Скоро Изольда придет и ему тут совсем не место. Дам пятьсот рублей, пусть в фехтовальный зал сходит, он же «фанатеет» от холодного оружия до

потери рассудка, вот и пускай побалует себя, и мне заодно мешать не будет.

Он подошел к дивану, разбудил брата, толкнув его в бок, и, не выдержав открывшейся картины, рассмеялся:

– Ты совсем сдурел? – хлопнул он себя по коленям ладонями, когда тот повернул заспанное, недовольное лицо. – Зачем ты челку покрасил, мужчина нетрадиционной ориентации? Как ты теперь, толерантная сволочь, в спортзал пойдешь?

Лупающий непонимающими глазами брат вскочил с дивана и бросился к зеркалу.

– Гад! – взревел он оттуда срывающимся голосом.

Его негодование было обоснованным. Свисающая прямо от лысеющего затылка до самых бровей прядь волос была окрашена в едкий, неестественный розовый цвет. Причем к такому своему виду он не имел никакого отношения и думал, что это есть не что иное, как глупая шутка старшего.

– Убью. – Вспылил он, как всегда, будучи по натуре несдержанным взрывным человеком, и кинулся, сжав кулаки, в драку.

– Да не я это. Остынь. – Выкинул вперед руки с растопыренными пальцами Ефрем, пытаясь остановить пышущего справедливым гневом брата.

– А кто? – не унимался тот.

– У того спроси, с кем ты сегодня водку жрал. А я тут ни при чем. – Не мог остановить смех Ефрем.

– Не помню. – Как всегда, быстро успокоился Глеб и, сделав глупые глаза, сел на диван и задумался. – Может, Мишка? Он на такое способен.

– Слушай, брат. Давай, ты потом вспомнишь. Ко мне сейчас девушка придет. Сходи, позанимайся со своими железками. Я тебе пятьсот рублей дам.

– Это только за абонемент. – Почесал тот розовую челку в области макушки. – На пиво еще подкинь, и я до утра домой не заявлюсь. Обещаю. – Но внезапно задумался и погрузнел. – Не, не получится, как я с такими волосами из дома выйду?

– А ты платочек повяжи, на манер пирата, и челку скроешь, и экстравагантно выглядеть станешь. Вон, на засохшей диффенбахии висит, которую кто-то поливать обещал, но, как всегда, забыл.

Через пять минут счастливый младший брат с зажатыми в руке двумя пятисотрублевыми купюрами выскочил из дверей, бросив на прощание: «Пока».

Включив на кухне телевизор, где скалящийся тупой улыбкой олигофрена диктор рассказывал об аномальном сильном звездопаде, который можно будет наблюдать сегодня ночью, наш, далеко не самый главный герой, приступил к сервировке романтического стола.

Первой достал бутылку «Арманьяка» – это для себя, для храбрости. Затем на свет появилась бутылка сухого вина «Шардоне Совиньон», кислый вкус которого он терпеть не

мог, но вот Изольда обожала, пришлось раскошелиться. Следом, опять же для нее, халва к чаю. Соленая селедка с ароматным пряным запахом, это для себя, к ней бы водочки, конечно, но и «Арманьяк» пойдет. Мандарины и, наконец, торт, и серебряные столовые приборы, доставшиеся от прабабки в наследство.

Все готово. Он сел, положив подбородок на скрещенные на столе ладони, и погрузился в мечты в ожидании будущей жены.

Оставим его на время и переместимся к самой главной нашей героине, той, по вине которой все, что вы читаете в этом рассказе, и произошло.

Молодая на вид (истинный ее возраст не знал никто, она берегла такие сведения пуще, чем государство хранит свою тайну), лет двадцати пяти, ну, может, двадцати шести, никак не больше, женщина стояла у входной двери с улыбкой на губах и ожидала нужного мгновения, чтобы нажать на кнопку звонка.

Она чувствовала, когда наступит этот миг, самой своей сущностью, звонок должен прозвенеть не поздно и не рано, а в самый подходящий для этого момент, когда мужчина созреет. Это была ее «паранормальная» (раньше таких-то слов и не знали), как теперь стало модно говорить, способность, но лишь одна из немногих. Она улыбнулась красными, ярко окрашенными, слегка пухлыми губами, довольная собой.

Женщина расстегнула сумочку и, не торопясь, достала ко-
стяной, древний гребень, инкрустированный золотом, с вен-
зелем «В» на короткой ручке. Черные как смоль, неесте-
ственно густые волосы заструились на плечи, подрагивая
искрами. Зеленые глаза под разлетом бровей улыбнулись в
предвкушении.

Сегодня сбудется ее мечта. Она прославится в веках сре-
ди себе подобных. Она соблазнит самого глупого и некраси-
вого, но не больного, что особенно важно (как до этого было
с ее предками и товарками) мужчину, и потом родит от него
ребенка. Истинного...

Но она не будет забегать наперед, еще сглазит. Изольда
беззвучно рассмеялась, сдавив в вожделинии упругую грудь
ладонями.

«Все, пора. Он уже горит от желания». Холеный ноготь
черного цвета коснулся кнопки.

– Дили-день. – Откликнулась дверь, и послышались быст-
рые спотыкающиеся шаги. Женщина улыбнулась самой об-
ворожительной улыбкой, какую только смогла изобразить на
лице и, выставив слегка вперед ножку, изогнулась в соблаз-
нительной позе.

Эффект удался полностью. Хозяин квартиры замер в про-
еме с открытым ртом, не в силах произнести ни слова.

– Ты не хочешь пригласить меня, Ефремушка? – зазвучал
колокольчик ее смеха. Хозяин очнулся от наваждения и, за-
суетившись, пропустил, отступив в сторону.

Зашуршав черным платьем с глубоким, на грани разврата, декольте, она прошла, коснувшись его бедром и скользнув ласковой ладонью по щеке.

– Наконец-то я посетила дворец моего принца, который он скрывал столько дней.

Ефрем попытался разглядеть в ее зеленых глазах насмешку, но они светились искренностью чувств.

– Смотри, что я тебе принесла. – Она расстегнула сумочку и достала из нее глиняного человечка, точную копию хозяина квартиры. Он вспомнил, что ее хобби было лепить из такого вот материала, податливого в начале и твердого в конце работы, фигурки.

– Спасибо. – Дрожащим голосом произнес он и добавил в спину уже хозяйничающей на кухне гостьи. – Заходи.

– Как мило. – Ворковала она, разглядывая бутылки. – Так приятно осознавать, что тебя кто-то ждет. – В голосе прозвучали нотки томной грусти, и она посмотрела на Ефрема так, что у того остановилось дыхание от вспыхнувшего в душе желания. – Может, мы оставим эти сказочные яства на потом? Я схожу в ванну, поправлю прическу, а ты пока приготовишь ложе любви. Соглашайся, ведь мы этого хотим оба.

Отказаться от такого?!! Да он даже мечтать о подобном развитии событий не мог. Ноги сами понесли раскладывать диван, доставать из шкафа чистые простыни и дрожащей рукой расставлять на полу зажженные свечи, все так, как он видел в каком-то иностранном фильме. Она вошла в тот мо-

мент, когда последняя свеча встала на свое место.

– Богиня. – Прошептал он в восхищении, пытаясь обнять соблазнительную фигуру, укрытую банным полотенцем, но был остановлен.

– Не спеши, любимый, не позволяй страсти закончить столь быстро наше наслаждение. Сходи в ванну, а я подожду тебя. И мы насладимся друг другом.

Откуда она взяла это полотенце, никогда раньше не существовавшее в этой квартире, он даже и не подумал, не до того было. Содрогаясь всем телом, он нечаянно вылил на себя полтюбика шампуня и, проклиная свою неловкость, долго поливался струями воды из душа, смывая упрямо неподдающуюся, пузырящуюся жидкость.

Вытерся тем, что было, и бросился вон. Вперед к своему счастью, но замер на пороге зала...

На белоснежной простыне (у него никогда такой не было, все и всегда имело серый землистый оттенок), лежала вполоборота полностью обнаженная Изольда и хохотала, сверкая зелеными глазами. Рядом с ней, скрестив по-турецки ноги, прямо около ее восхитительной головки, накрыв свои колени черными локонами ее волос, сидел здоровенный волосатый, полуголый мужик в сером трико и наярывал матерные частушки скрипящим козлиным голосом, брэнча на балалайке.

Мышцы перекатывались под коричневой от загара кожей. Порослячья рожа щерилась кривыми зубами и похрюкивала маленьким носом-пяточком в такт мелодии, изображая из

себя саксофон. Увидев Ефрема, он еще больше расплылся в улыбке, оголив кроваво-красные десны, и вскочил на ноги, отшвырнув балалайку в стену, где она, зазвенев на прощанье обиженно струнами, разлетелась на множество неестественных кусков.

– Братан! Это не то, о чем ты подумал. Я сейчас все объясню! – заорал тот так, что взлетевший откуда-то снизу, из-под дивана, попугай забился в истерике о стекло окна с криком: «Караул! Убивают!»». – Мы с твоей невестой просто кушаем попкорн и смотрим телевизор. – Голубой экран внезапно включился, высветив картинку для людей возраста далеко за восемнадцать, и наполнив комнату сексуальными вздохами.

– Клянусь. Это какая-то ошибка. Зуб даю, мы смотрели «Ну, погоди»! Это подлая подстава. – В его руках как-то неожиданно появилось ведерко с попкорном и, пытаясь продемонстрировать его медленно оседающему на пол Ефрему, мужик неаккуратно махнул рукой, и вздувшаяся кукуруза, потрескивая и взрываясь на лету, осыпала хозяина квартиры с ног до головы.

– Ах! Какая неприятность! – засуетился нежданный гость, бросаясь к пострадавшему, который только сейчас рассмотрел, что никакое это не трико, это серая шерсть на голых ляжках, и самое ужасное – копыта вместо ступней.

Над сидящим на полу Ефремом склонилось заботливое лицо с витыми маленькими рожками и попыталось появившимся в руках голубеньким платочком смахнуть застрявшие

в волосах кукурузины, но платочек превратился в бумажный стакан с горячим кофе и ошпарил рыжую голову.

– Ах, какой я неловкий. – Последнее, что услышал Ефрем и отключился.

– Какой-то он у тебя щупленький. – Первое, что услышал он, придя в сознание, а когда открыл глаза, то вновь его чуть не потерял. Он лежал на красной, мокрой от крови, липкой простыне, а с двух сторон сидели незнакомец с несостоявшейся невестой и улыбались окровавленными вытянувшимися клыками.

– Ну вот, братан. – Произнесли губы гостя. – Не так страшен черт, как его малюют. – Он поднял голову и посмотрел на Изольду. – Ты довольна мужем?

– Я получила все, что хотела, его семя во мне, и он мне больше не нужен. Она смахнула ладонью кровь с губ. – Хотя можно покатать его напоследок. Пусть вспоминает ведьму.

– У тебя же нет с собой метлы?

– Ты отстал от моды. – Захохотала она. – Сейчас порядочная нечисть оседлала электрошвабры. Этот придурок как раз купил для меня одну.

Изольда хлопнула в ладони, и в комнату влетело недавнее приобретение Ефрема, затанцевало у дивана, отбивая чечетку.

– Ох, какая горячая лошадка. – Рассмеялась довольная женщина. – Помоги мне закинуть этот тюфяк – моего мужа мне за спину.

Сильные руки подхватили безвольное тело и усадили, засунув у него между ног трубку швабры, а руки заставили ухватиться за упругие груди.

– Держись крепче, муженёк. – Это последнее, что он услышал, а скинутая, вспыхнувшая от зажженных свечей простыня – это последнее, что он увидел, вылетая из распахнутого окна, выплевывающего его тело вместе с языками пламени мгновенно распространившегося пожара.

Никакой свадьбы, естественно, не было. Пришедший в себя на ступеньках подъезда с первыми лучами солнца седой Ефрем кинулся в полицейский участок писать заявление, где его внимательно выслушали. Теперь наш герой очень часто рассказывает эту замечательную историю фельдмаршалу Кутузову – соседу по палате.